

Леон Агулянский
Член Гильдии драматургов Америки

Я ЖИВ

Драма для четырех актеров

Автор идеи Давид Тухманов

Действующие лица:

Борис Поплавский – 32 года, поэт.

Отражение Поплавского.

Дина Шрайбман – 30-35 лет, предпоследняя спутница Поплавского.

Натали Столярова – 25 лет, последняя спутница Поплавского.

Место и время действия Париж 1935 год.

Сцена 1

Стук ударов сердца. На экране проявляется силуэт парижской улочки, подобие дома, где жил Поплавский. Концентрация внимания на окне верхнего этажа. Проявляется силуэт маленькой комнатки.

На экране маленькая газетная заметка. Голос читает.

Девятнадцатого октября 1935 года. Тело русского поэта, Бориса Поплавского было обнаружено в квартире его родителей. По предварительным данным смерть наступила от передозировки наркотиков.

На следующем изображении пламя свечи расплавляет кокаин в столовой ложке. Нетвердая рука набирает содержимое в шприц.

Сердце стучит чаще и громче.

Вселенная. Планеты и астероиды наплывают на экран. Приближается планета Земля. Ее изображение узнаваемо. Оно мутнеет, превращается в черную дыру, засасывающую в себя все, медленно и мощно.

Свет выхватывает Поплавского. Черная дыра засасывает его. Он сопротивляется, извивается, кричит. Он потрясен и не верит, что это происходит с ним здесь и сейчас.

П о п л а в с к и й. Нет! Не-е-ет! Не может быть! Так быстро?! Нет! (*С возрастающим напряжением.*) Назад, назад, назад, назад, наза-а-ад! Да, вы что?! Я еще не успел... Эй, вы, слышите?! Я еще не все сказал! Я еще не долюбил. Я все исправлю! Все! Все-е-е!..

Назад, назад, назад. (*Вспоминает.*) Такой пронзительный вечер. Со всеми перессорился. Со всеми перелаялся. Со всеми... В моей комнатке было душно. У Сергея тряслись руки. Пламя свечи дрожало, облизывая ложку с порошком. Кокаин стал плавиться. Превратился в красный сироп. Красный... Дьявольская кровь. Дунуло из форточки. Свеча погасла... Дальше... Что дальше?.. Опять свеча. Шприц. Совсем не больно. Горячее счастье потекло в жилах. Дальше! Что дальше?! Вязкая тишина. Сладкий звон в ушах. Тело растворилось без остатка... Тоннель. Свет. Тишина. Покой. Покой? Нет! Не-е-ет! Это не должно быть так! Не должно! Я выдумывал смерть и рисовал ее другой. Вы слышите?! (*Кричит.*) Дррругой! Красивый белый пароход, тонущий в южном море. Залитая солнцем зеленая поляна. Стоп. Еще было (*читает быстро.*)

А когда за окном, над потушенной елкой,
Зазвучал фиолетовый голос луны.
Дети сами открыли окошко светелки
С подоконника медленно бросились в сны.

В сны!.. Именно так... Именно так все и случилось. Все по написанному (*читает.*)

Весна плывет, весна сползает в лето.
Жизнь пятится неосторожно в смерть.

Поплавский (встает на колени перед залом, сжимает кулаки). Это не может быть так! (Стук сердца становится реже.) Мои страдания, моя боль, отчаяние, озарение, все это не может оборваться просто та-а-ак! Не может. (Стук сердца замедляется и прекращается.) Я... жив! Я жи-и-ив. Жив! (Зажмуривается. Оживают удары сердца. Поплавский смотрит в зал с благодарностью и восторгом. Тихо.) Жив.

Пара танцоров начинает оживать в слабом свете прожектора. Танцует танго под ритм сердечных ударов. Поплавский читает как молитву.

В безысходном кривом переулке
Черный страшный фургон проезжал.
На камнях ежедневной прогулки
Карлик-солнце раздавлен лежал...

(Взмахнув кулаком.) Жи-и-ив! (Шепотом.) Жив. (Продолжает читать наизусть.)

Мы спустились под землю по трапу,
Мы искали центральный огонь,
По огромному черному скату
Мы скользили в безмолвье и сон.

Яркий свет.

Звучит баллада «Память» (саунд трек 1). Пара танцоров танцует танго. Поплавский смещается в сторону. Надевает брюки, пиджак, черные круглые очки. Закуривает. Смотрит на танцующих. Одобрительно кивает.

Баллада «Память»

В безысходном кривом переулке
Черный, страшный фургон проезжал,
На камнях ежедневной прогулки
Карлик солнце раздавлен лежал.

Мы спустились под землю по трапу,
Мы искали центральный огонь,
По огромному черному скату
Мы скользнули в безмолвье и сон.

В бесконечных кривых коридорах
Мы спускались все ниже и ниже.

Чьих-то странных ночных разговоров
Отдаленное пение слышим.

"Кто там ходит?" – "Погибшая память".
- "Где любовь?" – "Возвратилась к царю".
Снег покрыл, точно алое знамя,
Мертвецов, отошедших в зарю.

Им не надо ни счастья, ни веры,
Им милей абсолютная ночь,
Кто достиг ледяного барьера
Хочет только года превозмочь.

И свернувшись в кровати, как дети
Великанов ночных обмануть,
В мир зари отойти на рассвете
Отошедшую память вернуть.

Баллада заканчивается. Танцоры исчезают. Поплавский выходит на авансцену. Обращается к публике.

П о п л а в с к и й (*к публике*). Все по-разному носят свою кончину. Одни – как красивую шляпу. Лихо и даже набекрень. Другие – с романтической нежностью, как Офелию на руках. Третьи же – как разъедающего рака под одеждой. Тот грызет их и ядовито брызжет на окружающее. (*Пауза.*) Не бояться смерти надо учиться. Учиться всю жизнь. (*Пауза.*) Чтобы умереть нужно, как минимум, жить. Жить, а не считать дни, копить годы, откладывая на завтра.

Люди просят заморозить их тело после смерти. Мол, через триста лет их оживят. (*Пауза.*) Оживят тело? И вернут в него душу. (*Пауза.*) Вернут! Но зачем?! Прожить еще одну никчемную жизнь? Убить время и снова заморозиться?! (*Пауза.*)

Все боятся смерти. Оттого не любят стариков. Не являются на похороны. Поминки вообще ненавидят. Пилюли глотают. Едят только полезное. Боятся простудиться. Рано ложатся спать. Верят в загробную жизнь... Грехи замаливают... Смерть (*Пауза.*) И я боялся ее. Не в силах победить, заигрывал и обнимался с ней. Горбатую старуху с косою нарядил в красну девицу. Думал, меня не коснется. Друзья, вроде... Или любовники... Зря. (*Пауза.*) Бредет рядом с нами в толпе. Выбирает жертву и кладет ей руку на плечо. (*Пауза.*) Не так страшна смерть, как ее ожидание. Знаете, в древнем Риме патриция осудили на казнь. Он боялся. Страх был так велик, что превратился в адское мучение. И когда пытка стала невыносимой, возлюбленная сжалилась. Воткнула себе кинжал в грудь и сказала: "Видишь, не больно совсем!" Не больно. Не больно. Жить гораздо больнее (*читает под музыку.*)

Сабля смерти висит во мгле,
Рубит головы наши и души.
Рубит пар на зеркальном стекле,
Наше прошлое и наше грядущее.

И едят копошщийся мозг

Воробьи озорных сновидений.
И от солнечного приведенья
Он стекает на землю как воск.

Кровью черной и кровью белой
Истекает ущербный сосуд.
И на двух катафалках везут
Половины неравные тела.

И на кладбищах двух погребен
Ухожу я под землю и в небо.
И свершают две разные требы
Две богини в кого я влюблен.

Пауза.

Меня ругали и не хотели издавать. Да. Я писал о смерти, когда был жив, Теперь хочу – о жизни... *(Кричит, обращаясь к залу.)* Эй, вы! Да. Вы! И вы тоже! И вы! Очнитесь и услышите же, наконец! Встав ото сна, помните: каждый день по-особенному священен и сладостен, и смертен. Пожалейте его. "Вчера" растаяло в тумане, а "завтра"!.. *(Тише.)* Завтра вам никто не обещал. Это мгновение, этот миг – единственное, что у вас есть... Единственное! Что? Не только? Еще дом? Да-да-да-да-да. Кое-что в банке и наличными? Так-так-так-так-так. Что? А-а-а, пара таблеток в кармане и акции на бирже? Нет, дорогие мои. Никто и ничто... не принадлежит нам абсолютно. Все может быть потеряно в одночасье. Все, кроме этого мгновения. Все, кроме этого "сейчас".

(Вспоминает.)

Фонари... фонари... отцветали... и ночь... на рояле играла...

Звучит баллада Морелла I (саунд трек 2). На экране проявляется изображение парижского ресторанчика..

Баллада «Морелла 1»

Фонари отцветали, и ночь на рояле играла,
Привиденье рассвета уже появилось в кустах.
С неподвижной улыбкой Ты молча зарю озирала,
И она, отражаясь, синела на сжатых устах.

Утро маской медузы уже появлялось над миром,
Где со светом боролись мечты соловьев в камыше.
Твой таинственный взгляд, провожая созвездие Лиры,
Соколиный, спокойный, не видел меня на земле.

Ты орлиною лапой разорванный жемчуг катала,
Ты как будто считала мои краткосрочные годы.
Почему я Тебя потерял? Ты как ночь мирозданьем играла,
Почему я упал и орла отпустил на свободу?

Ты, как черный орел, развевалась на желтых закатах,
Ты, как гордый немой ореол, осеняла судьбу.
Ты вошла не спросясь и отдернула с зеркала скатерть
И увидела нежную девочку – вечность в гробу.

Ты, как нежная вечность, расправила черные перья,
Ты на желтых закатах влюбилась в сиянье отчизны.
О, Морелла, усни, как ужасны огромные жизни,
Будь, как черные дети, забудь свою родину – Пэри!

Ты, как маска медузы, на белое время смотрела,
Соловьи догорали и фабрики выли вдали,
Только утренний поезд пронесся, грустя, за пределы
Там где мертвая вечность покинула чары земли.

О, Морелла, вернись, все когда-либо будет иначе,
Свет смеется над нами, закрой снеговые глаза.
Твой орленок страдает, Морелла, он плачет, он плачет,
И как краска ресниц, мироздание тает в слезах.

Сцена 2

Продолжает звучать баллада Морелла I. Появляются Натали и Дина.

Д и н а. Никогда не прощу тебе его смерти!

Н а т а л и. А я – тебе.

Д и н а. Сама себе не прощу.

Н а т а л и. Так-то лучше.

Д и н а. Помирились? *(протягивает руку Натали, та игнорирует.)*

Н а т а л и. Поплавский ни с чем и ни с кем не желал мириться.

Д и н а. Ты мне будешь рассказывать!

Н а т а л и. Все работали. На комфорт зарабатывали. Мирились с произволом журнальных ретроградов. Писали, чтобы издаваться. Издавались, чтобы продаваться. Продавались, чтобы питаться. Питались, чтобы...

Д и н а. Испражняться.

Н а т а л и. Был тверд и чист. Если бы не упрямство, мог бы...

Д и н а. Ой, слушай, давай без этой ерунды. Боря жил в свирепой нужде. Часто голодал. Да-да. Голодал! Но не сдавался. Жил, как подобает гению.

Н а т а л и. Талант должен быть голодным.

Д и н а *(кричит)*. Ерунда! Голодный человек думает о шницеле с картошкой во фритюре! Невыспавшийся гений ничего путного не создаст! Когда человек замерзает, он думает о пледе и трескучем камине! О ватном одеяле, черт возьми! А музыка... Музыка безмолвствует! Ей нужен покой! Ей подавай комфорт! *(Тихо.)* Что ты знаешь вообще?! Сколько раз он... он ночевал на улице, принимал ванну в Сене. Вместо полотенца обтирался старыми газетами. Докуривал брошенные окурки и собирал крошки на полках булочной. А

Париж... А что Париж? *(Цитирует.)* Он мигал желтыми глазами фонарей, укрывал туманом, грел дымом выхлопных труб и расчесывал волосы порывами ветра. Это не я. Это его перлы. Борис не терпел посредственности рядом с собой. *(Окинув взглядом Натали.)* Хотя, нет. Терпел.

Н а т а л и. Где уж мне до тебя?! Гениальная, неизвестная художница. *(С иронией)* С тобой он, конечно, был счастлив.

Д и н а *(задумчиво)*. Человек с таким интеллектом не может быть счастлив... Впрочем, милочка, тебе этого не понять.

Н а т а л и. Одного таланта мало. Хочешь публиковаться и быть прочитанным, смири гордыню. Где надо - промолчи. Где надо - согласись. Улыбайся. Меценатам в глаза не плюй. Не виноваты, что болваны-то. Они между авторами и публикой. Без публики - мертвый талант. Мертвые картины. Мертвые вы.

Д и н а. Мы - это то, что мы написали. Ничего более. Наша мигрень, запоры и гонорейя никого не интересуют. И еще: если написанное вызывает такие сильные переживания, может оно важнее реальности? Конечно важнее. Важнее нашего здоровья и самой жизни. Но если не будет нас, никто не создаст, не родит как мы.

Н а т а л и. При жизни вышел только его сборник "Флаги". Я...

Д и н а *(резко перебивает)*. Ты? Ты здесь не при чем! Произведения, как дети. У них своя жизнь. Повлиять на их судьбу невозможно ни до, ни после... смерти. Его дети спят. Придет время, и кто-то разбудит их. Коснется умелой рукой, и они зазвучат. Зазвучат! Его друзья-издатели не напечатали, боялись. Конкуренции боялись. Куда надежнее пригласить автора на тарелку супа. Можно и на чашку кофе, спрятав галеты за минуту до его появления. На страницы сборника – ни-ни. Его даже в литературный клуб не приняли. Только после смерти: ах, он талантлив, какая сила, не дописал и не дожил! *(Про себя.)* Не доел, не доспал, не дошел, не досказал...

Н а т а л и. Жаль. Он мог бы издаваться и продаваться.

Д и н а. Гадко – писать ради денег! Это удел всех нас. Неизвестное поколение. В России не нужны. В Париже – тем более. Творим, ибо не можем иначе. Ничего другого не умеем.

Н а т а л и. Все как-то устраиваются. Живут и неплохо.

Д и н а. Живут? Для чего?

Н а т а л и. Не понимаю, как можно прожить на семь франков в день.

Д и н а. Скажи, он тебя удовлетворял?

Н а т а л и. Сказал однажды: "Кто не ужален социальной несправедливостью, меня не поймет".

Д и н а. Что мы вытворяли с ним!.. Нет, не мы. Я с ним.

Н а т а л и. Твой муж был в курсе.

Д и н а *(улыбнувшись, многозначительно)*. О, да.

Н а т а л и. Но как вы могли...

Д и н а. Деточка, это не про вас, это не для вас.

Н а т а л и. Ты, ты ничего не знаешь... о наших отношениях *(плачет.)*

Д и н а *(раздраженно)*. То, что известно о нем лично вам, мадмуазель, нам знать не обязательно, как необязательно разыгрывать трагедию. Полно те.

Н а т а л и. Как вы смеете так со мной?..

Д и н а. У вас нет исключительного права на скорбь по усопшему.

Н а т а л и *(вскакивает, сквозь слезы)*. Вы не смеете! Не смеете так обращаться со мной! Со мной... со мной ему было хорошо, комфортно,

спокойно. Я защищала его от вас. Да, да! От вас, завистников и подлых друзей! От ваших холодных улыбок! От ваших бегающих глазок! От ваших любезностей, за которыми предательство. (*Указывая на Дину.*) А я, заметьте, его не предала! Да, что я унижаюсь тут перед вами?! (*Уходит.*)

Д и н а. Вот-вот. Любить надо при жизни. Нечего лезть теперь в постель к мертвецу. (*Пауза.*) Ах, Боря, Боря, Боря.

(*В зал.*) Люди не заслуживают душевной самоотдачи. Часто ее не понимают, не верят ей, иногда считают коварством. Все что не соответствует штампам, им кажется чертовщиной. За это на костер, на плаху... Еще лучше, на крест (*Пауза.*) Придумали себе как ходить, одеваться, как держать вилку, как и что говорить, что писать и кого читать. Фарс. Плохой театр. Для чего все это? Кому в угоду? Вздор! (*Пауза.*) Слепое проведение наделяет деньгами и временем тех, кому не нужно ни то, ни другое. Еще оно дарует им долголетие и власть над людьми... Ему не досталось. Повезло. (*Пауза.*) Избежал наказания старостью. (*Пауза.*)

Ушел туда, где нет ничего. Ни-че-го... Ад и рай здесь и сейчас. Потом... Потом только черная пустота – освобождение – благо. (*Пауза.*)

Он слышал "нечеловеческую" музыку. (*Кричит, гневно указывая в зал.*) Нечеловеческую! (*Пауза.*) Она вела его... Она... только она... Этой музыкой он упивался, готовый сладостно погибнуть, однако с доброй надеждой.

На экране проявляется рисунок: море, берег, маяк...

Звучит баллада «Рукопись, найденная в бутылке» (саунд трек 3).

Баллада «Рукопись, найденная в бутылке»

Мыс Доброй Надежды. Мы с доброй надеждой тебя покидали,
Но море чернело, и красный закат холодов
Стоял над кормою, где пассажирки рыдали,
И призрак Титаника нас провожал среди льдов.

В сумраке ахнул протяжный обеденный гонг.
В зале оркестр запел о любви невозвратной.
Вспыхнул на мачте блуждающий Эльмов огонь.
Перекрестились матросы внизу троекратно.

Мы погибали в таинственных южных морях,
Волны хлестали, смывая шезлонги и лодки.
Мы целовались, корабль опускался во мрак.
В трюме кричал арестант, сотрясая колодки.

С лодкою за борт, кривясь, исчезал рулевой,
Хлопали выстрелы, визги рвались на удары
Мы целовались, и над Твоей головой
Гасли ракеты, взвиваясь прекрасно и даром.

Мы на пустом корабле оставались вдвоем,
Мы погружались, но мы погружались в веселье.
Розовым утром безбрежный расцвел водоем,
Мы со слезами встречали свое новоселье.

Солнце взошло над курчавой Твоей головой,
Ты просыпалась и пошевелила рукою.
В трюме, ныряя, я встретился с мертвой ногой.
Милый мертвец, мы неделю питались тобою.

Милая, мы умираем, прижмись же ко мне.
Небо нас угнетает, нас душит синяя твердь.
Милая, мы просыпаемся, это во сне.
Милая, это не правда. Милая, это смерть.

Тихо восходит на щеки последний румянец.
Невыразимо счастливыми души вернутся ко снам.
Рукопись эту в бутылке, прочти, иностранец,
И позавидуй с богами и звездами нам.

Сцена 3

Во время звучания баллады появляется Поплавский. Навстречу ему выходит Отражение Поплавского (мужчина в черных очках, одетый в белые брюки, белый пиджак и черную рубашку). Отражение приставляет трость к груди Поплавского. Возвращает его на авансцену. Сразу после окончания баллады Отражение Поплавского обращается к Поплавскому.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Ну, и чего ты добился?
П о п л а в с к и й. Ты кто?
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Не узнал? Твое отражение.
П о п л а в с к и й. Отражение в зеркале?
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. В твоём сознании. Я это ты. Но мы совершенно разные люди.
П о п л а в с к и й. Чего ты хочешь?
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Того же, чего и ты.
П о п л а в с к и й. Я не знаю, чего хочу. Никогда не знал... И теперь не...
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Я тоже. *(Пауза.)*
П о п л а в с к и й. Говори. Не молчи.
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Ты не ответил на свой вопрос: чего ты добился.
П о п л а в с к и й. На твой.
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Хорошо. На наш. Я, ты, мы, сложно, не правда ли? Но ты скоро привыкнешь.
П о п л а в с к и й. Могу ли я доверять тебе?
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о *(после короткой паузы, с улыбкой)*. Нет.
П о п л а в с к и й. Судя, по ответу, могу.
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Судя по тому, что ты сделал с нами, не можешь.
П о п л а в с к и й. Прости. Так получилось.
О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Хотел выйти? Спрыгнуть с подножки трамвая? Показать свою обиду? Отчаяние? Презрение?
П о п л а в с к и й *(после короткой паузы, неуверенно)*. Да.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Кому показать? Им? *(показывает в зал.)*
Если кто-то и уронит лживую слезу, ни ты, ни я этого уже не увидим... А ты не думал, Боря, что им на твой уход вообще плевать, в их жизни это ничего не изменит? Ни-че-го!

П о п л а в с к и й . Не думал...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Начинаешь говорить искренне. Еще немного, и мы подружимся, мсье Поплавский.

П о п л а в с к и й *(презрительно осмотрев собеседника)*. Это вряд ли.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о *(оценивающе смотрит на Поплавского)*. Красивый жест, а? На публику?! *(Кричит.)* На публику! *(Разведя руками, цинично усмехаясь, тише.)* На публику? *(Пауза.)* Хлопнул дверью и ушел... Но ты... Господи, как ты мог?! Ну, как ты мог столь высоко оценить эту публику? Ведь у тебя не было с ней никакого контакта. Ты его и не искал. Был в другом измерении. Писал для себя. Писал, что хотел. Ради этого голодал, носил рваньё и спал на лавочках. Хорошо, что мы уже умерли. Хоть спина теперь не болит. Постой... Постой, постой. Может и это было игрой? Взял себе роль мученика во имя искусства. Ел бутерброды, ходил в старом пиджаке, штаны в библиотеке просиживал, вместо того, чтобы делом заниматься.

П о п л а в с к и й . Делом?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о *(кричит)*. Да! Делом! Делом! Делом, черт возьми! Работать и получать жалование! Жениться и завести детей! Воспитать их достойными людьми! А? Почему бы нет? Вместо этого ты по литературным салонам, бильярдным и притонам таскался. Вгонял себя в меланхолию. А ночью бумагу марал строками, которые никому не нужны!

П о п л а в с к и й . Нужны! Иначе быть не может. Иначе быть не должно! Я не имел права молчать. Мне это надиктовали сверху.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Надиктовали тебе. *(Пауза.)* Послушай, нет, повторяй за мной *(с ударением)*: мы оба... Ну повторяй, давай. Мы оба знаем...

П о п л а в с к и й *(повторяет за Отражением Поплавского)*. Мы оба знаем...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Вот, молодец. Мы оба знаем, что эти стихи...

П о п л а в с к и й . Что эти стихи.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Никому на хрен не нужны...

П о п л а в с к и й . Не нужны...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Эй, с тобой можно найти общий язык. Если бы мы подружились раньше, ты не убил бы нас.

П о п л а в с к и й . Почему нет?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Мы при жизни, каждый день, нет по три раза в день вместо молитвы повторяли бы это хором. И жили бы себе, да поживали...

П о п л а в с к и й . Заниматься не своим делом для творческого человека - смерть.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Ты и после нашей смерти говоришь о смерти.

П о п л а в с к и й . Теперь никто не слышит.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . При жизни тоже не слышали.

П о п л а в с к и й . Не слушали. Не слышали. Тогда было не важно. Сейчас, тем более *(читает.)*

На пустых бульварах, замерзая,
Говорить о правде до рассвета.
Умирать, живых благословляя,
И писать до смерти без ответа.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Врешь, приятель! Забрался на высокую гору. К Богу, к истине поближе?! Подальше от серой толпы?!

П о п л а в с к и й. Я не забирался. Родился на горе.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Ах, мы избранные с тобой?! Что ж спорить не буду. В одном только меня не переубедишь. Писал ты не для себя, и не для Всевышнего, для толпы!

П о п л а в с к и й. Нет.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Нет? Еще как, да! Держась на дистанции, тяготел к ней, жаждал ее внимания. Томился своею неизвестностью! Только им... (*указывает в зал.*) твой голос чужд. Нет! Пустой звук (*читает.*)

И фуражки офицеры снимут.
Краткий выстрел в море отпыляет.

Пуф! И все. А для тех, кто рожден думать не только о еде, твое обнимание со смертью (*осуждающе мотает головой.*)

П о п л а в с к и й. Я не обнимался. Просто уважал ее.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. О-о-о! Ты не только обнимался. Еще признавался ей в любви!

П о п л а в с к и й. Это неправда.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*обращаясь к залу*). Неправда. Я же нас и оклеветал, вы понимаете? (*Читает.*)

Все засыпает, на башнях молчат великаны.
Все изменяется к утренним странным часам,
Серое небо белесым большим тараканом
В черное сердце вползает нагим мертвецам.

(*Поплавскому*). Это не мы с тобой написали? А вот еще. (*Читает.*)

Улыбается тело тщедушно,
И на козырь надеется смерд.
Но уносит свой выигрыш душу
Передернуть сумевшая смерть.

(*К залу.*) Еще? (*Читает.*)

И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливою: смерть.

(Поплавскому). Слушай, правда, между нами, чего у тебя все: смерть, да смерть. Людей бы в жизни поддержать. А ты их кончиной пугаешь. Или сам так напуган, что кричишь от страха?

П о п л а в с к и й *(читает.)*

Тихо иду, одеянный цветами,
С самого детства готов умереть.
Не занимайтесь моими следами,
Ветру я их поручаю стереть.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Нет! *(Кричит.)* Ты упрям! И ведешь себя как обиженный ребенок! Ты и есть ребенок! Зачем мышцы накачивал, а? Получше выглядеть?! Очки вот эти черные, глухие зачем? *(Снимает очки, демонстрирует.)*

П о п л а в с к и й. Чувствительность к свету. В глазах, будто песок. Сам-то не чувствовал?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Слышишь, будешь меня за идиота держать, так накостыляю. Не посмотри, что ты это я!

П о п л а в с к и й. Давай, посмотрим, кто кого.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Подожди. Я тебя в темном переулке встречу. *(Пауза.)* А очки эти ты напялил – отгородиться от внешнего мира. Загадку, тайну на себя напустить. Может, чтобы тебя кто в борделе не узнал? Так, ведь нас никто в лицо и не знает.

П о п л а в с к и й. Ты не ходил со мной что ли?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Как не ходил?! Я же тебя туда и водил, чтобы ты за книгами не свихнулся вообще. *(Пауза.)* Помнишь, мы шли с Монпарнаса до Латинского квартала. *(На сцене появляются Дина и Натали. Они рассаживаются на стульях. Поплавский и Отражение Поплавского подсаживаются к ним. Создается атмосфера притона.)* Холодный ветер забирался под рукава. Черные лужи подстерегали на каждом шагу. Дома смотрели на нас желтыми окнами. Отчаянная жажда приключений...

П о п л а в с к и й. Жажда жизни...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Рррразрррываллла гrrррудь!

П о п л а в с к и й. По улочкам слонялись воровы.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. У домов стояли девицы с усталыми лицами.

П о п л а в с к и й. Двери притонов открывались, извергая очередного клиента.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Вместе с ним дух разврата – смесь запаха пота, вина и дешевой косметики.

Поплавский и Отражение Поплавского водружают на стол Дину и Натали. Женщины начинают исполнять эротический танец. Мужчины щиплют их за ноги. Женщины отбиваются, смеясь.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Мы ныряли в ближайшую дверь и растворялись там...

П о п л а в с к и й *(продолжая фразу).* До рассвета...

Сцена 4

Поплавский и Отражение Поплавского устраивают потасовку между собой Дина и Натали, танцующие на столе, громко хохочут. Звучит баллада «Морелла 2» (саунд трек 4). Участники сцены продолжают ругаться и жестикулировать, толкают друг друга. Их голоса не слышны. Постепенно к началу ритма танго в балладе они оказываются в парах, танцуют.

Баллада «Морелла 2»

Снова голос Мореллы
Затих на другом берегу
Как серебряный сокол
Луна пролетела на север
Спало мертвое время
В открытом железном гробу
С неба бабочки снега
Садилась в тиши на деревья...

Фиолетовый отблеск все медлил над снежною степью,
Как небесная доблесть в Твоих неподвижных глазах –
Там, где солнце приковано страшною черною цепью,
Чтоб ходило по кругу, и ангел стоит на часах.

Пойте доблесть Мореллы, герои, ушедшие в море,
Это девочка-вечность расправила крылья орла.
Но метели врывались, и звезды носились в соборе,
Звезды звали Мореллу, не зная, что Ты умерла.

Молча в лунную бурю мы с замка на море смотрели,
Снизу черные волны шумели про доблесть Твою,
Ветер рвался из жизни, и лунные выли свирели,
Ты, как черный штандарт, развевалась на самом краю.

Ты, как жизнь возвращалась; как свет, улетающий в бездну,
Ты вступила на воздух и тихо сквозь воздух ушла.
А навстречу слетали огромные снежные звезды,
Окружали Тебя, целовали Тебя без числа.

Где ты, светлая, где? О, в каком снеговом одеянье
Нас застанет с Тобой Воскресения мертвых труба?
На дворе Рождество. Спит усталая жизнь над гаданьем,
И из зеркала в мир чернокрылая сходит судьба.

Сцена 5

После окончания баллады Морелла 2 Натали исчезает. Дина, по бокам Поплавский и Отражение Поплавского медленно выходят на авансцену.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*Поплавскому, кивком указывая на Дину*). Чего ты в ней нашел?

Д и н а. Нашел. Потерять легче, чем найти.

П о п л а в с к и й (*удивленно*). Дина, ты можешь нас слышать?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*усмехнувшись*). Конечно, может.

Д и н а. Я тоже умерла... В конце войны.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*махнув рукой в сторону Поплавского*). Да, он же новенький. Не понимает ничего...

Д и н а. Была страшная война. В Париж вошли немцы. Мы с Татищевым и детьми скрывались на Юге Франции...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*Поплавскому*). Это не наши дети.

Д и н а. Там я умерла... от туберкулеза... Перед смертью думала о тебе...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. О нас?

Д и н а (*отрицательно качая головой, показывает на Поплавского*). О нем.

П о п л а в с к и й. Мне очень жаль.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*раздраженно*). Тебе жаль?! Теперь ему, видите ли, жаль! Все могло быть иначе!

П о п л а в с к и й. Что иначе? Другая война? Другая страна? Другая болезнь? Другие дети? Другие мы?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Все! Абсолютно все! Я говорил тебе: оставь меланхолию, забудь про невроз, возьми себя в руки, найди работу. Но ты никогда меня не слушал! Никогда! Вот почему Дина ушла от тебя... к Татищеву. А ты ничего не сделал, дабы удержать ее ... Ни-че-го!

П о п л а в с к и й. Удержать?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*кричит*). Да! Да! Именно удержать! Серьезностью, надежностью, уверенностью в...

Д и н а. Разве можно удержать ветер, дождь или свет луны...

П о п л а в с к и й (*читает*).

Розовеет луна над заснеженным миром

Возникает сиреневый голос луны

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. У луны нет голоса! И быть не может!

Д и н а (*положив руку на плечо Поплавскому*). Знаешь, то что было между нами, не любовь...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*цинично*). Здравсте!

Д и н а. Нечто большее... Слияние душ...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. А какое слияние тел!

Д и н а. Общее эмоциональное поле.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Ну, началось...

Д и н а (*Отражению Поплавского*). Помолчи. Я не с тобой разговариваю.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Я вам не чужой, между прочим
(недовольно качая головой, отходит в сторону.)

Д и н а (Поплавскому). Мы часто ругались, молчали и плакали вместе. Рядом с тобой мысли были ясны и глубоки. Я не стеснялась быть наивной. Не боялась читать свое... Мы были вместе. Ни время, ни расстояние не могли стать помехой. (Пауза.) Ты не спрашиваешь, почему я ушла?.. Ты никогда не задавал бессмысленных вопросов. (Пауза.) Мы, как бильярдные шары, неслись навстречу друг другу... Сталкивались и разлетались... Каждый в свой угол. Страсть не грела, обжигала...

П о п л а в с к и й . Обжигала?! Мы сгорали в ней!

Д и н а . Мы... не могли оставаться вместе.

П о п л а в с к и й и Т е н ь П о п л а в с к о г о (в один голос). Почему?

Д и н а (после короткой паузы). Мы слышали друг друга на расстоянии. Могли объясняться без слов. Жили в своем, нашем мире.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Так в чем же дело?!

Д и н а . В этом мире не получают жалование, не варят картошку и не рожают детей. (Пауза.) А я – женщина. (Пауза.)

П о п л а в с к и й . С Колей Татищевым нашла счастье?

Д и н а . Он получал жалование. Я... (пожимает плечами.) родила детей.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (Поплавскому). Видишь, как просто.

Д и н а . Ты не дожил. Францию оккупировали немцы. Они ловили евреев как преступников и отправляли на смерть. Твой друг, Юра Фельзен, погиб в концлагере. Коля хотел увезти нас в Испанию. Но пришла весть, что там местные выдают евреев за сигарету. Мы с трудом перебрались на Юг Франции. Скрывались. Бедствовали. Голодали. Обострился мой туберкулез. Слабела. Таяла. Убеждала себя, что все еще... (Пауза.) В больнице муж появлялся редко. И детей не показывал. Наверное, правильно... В день смерти думала... Теперь это уже не важно.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Думала, что все могло быть иначе? Если бы он (указывает на Поплавского) послушал меня, все было бы иначе!

Д и н а (кричит). Иначе быть не могло! (Тихо.) И ты (указывает на Отражение Поплавского) ему не указ... (Поплавскому.) В смертный час я благодарил судьбу за встречу с тобой. За любовь и боль, за слезы... За счастье... За наш тот мир.

О т р а ж е н и е П о л а в с к о г о . Только избравший себе путь может его вынести.

П о п л а в с к и й . Кто знает «зачем», вынесет любое «как».

Д и н а . Судьбу не выбирают, мой друг. Видишь, даже после кончины мы спорим.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (махнув рукой на Поплавского). С ним вообще невозможно разговаривать.

Д и н а . Мы переступили черту, за которой время не существует. Ты сам писал...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (цитирует). «Спало мертвое время в открытом железном гробу». Забыл уже?

П о п л а в с к и й . Я писал о времени там. (Пауза.) Было страшно просыпаться в холодный рассвет, в мертвое ожидание жизни.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Да-а! Проснуться, как все ты не умел. Все с выкрутасами...

Д и н а (*задумчиво*). Мертвое ожидание жизни... Я познала живое ожидание смерти. (*Пауза*.)

П о п л а в с к и й. Как это случилось?

Д и н а. В отличие от тебя я умирать не собиралась. Идея смерти была мне... (*Пауза*.) Когда-то во время чумы люди надевали страшные маски. Отпугивали смерть. А я... просто бойкотировала ее.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Не помогло.

Д и н а. Уже в больнице стала раздражительной. Срывалась на детей и Колю обижала...

П о п л а в с к и й. Вот и получается, при жизни ведем себя как дерьмо. Будто можно перелистнуть назад да исправить.

Д и н а. Нельзя листать ни вперед, ни назад... Писать нужно сейчас (*Пауза*.)

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*цитирует*). "Не пиши систематически, пиши животным, салом, калом, спермой, самым мазаньем тела по жизни..." (*Поплавскому*.) Не стыдно тебе. Как это я упустил, такую гнусь позволил тебе написать.

Д и н а (*продолжает цитату, вспоминая*). «Хромотой и скачками пробуждения, оцепенения свободы, своей чудовищности-чудесности». А, по моему, здорово!

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*кричит*). Все это чушь собачья! Бред! Кому это нужно?! Мне?! (*Дине*.) Тебе?! (*Хватает Поплавского за грудки, трясет его, кричит в лицо*.) Может, тебе?! Да поймите же вы, людям нужно жрать и размножаться. Еще чтобы дождь не мочил и задница не мерзла! Все-е-е! Все!

П о п л а в с к и й (*кричит*). Человек не животное!

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*кричит, наступает на Поплавского*). А кто? Кто, если не животное?! Ангел небесный?!

П о п л а в с к и й. У него есть другая жизнь. Мир эмоций, воспоминания, любовь!

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*насекает на Поплавского, Дина встает между ними, разнимает*). Любовь?! (*Указывая на Дину*.) Вот она, твоя любовь. Сбежала к нашему другу Татищеву!

Д и н а. Да перестаньте же! Постыдитесь! (*к залу*). Я ушла. Мы не могли больше...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*перебивает ее*). Правильно, что ушла. Коля нормальный мужик с головой на плечах. (*Поплавскому*.) А этот же салом, калом и спермой (*замахивается кулаком*) пишет!

П о п л а в с к и й (*кричит*). Ах ты, подонок! (*Пытается нанести удар кулаком*.)

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. А Наташу почему бросил? А? Торопился сам не быть брошенным?

Д и н а (*перестает разнимать их, отходит в сторону*). Да ну вас. Надоели. Глупо. Мы же... мертвые.

Дина уходит.

П о п л а в с к и й (*закатывает рукава, готовится к кулачному бою*). Сейчас я тебе покажу...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*усмехаясь*). Не-е-ет! Это я атлет и кулачный боец. А ты... Ты бумагомаратель.

Поплавский и Отражение Поплавского начинают бороться. Катаются по полу. Отражение Поплавского переворачивает Поплавского лицом вверх, начинает душить. Сам при этом находится под ним. Поплавский перестает сопротивляться. Начинает громко хохотать. Отражение Поплавского отпускает его. Поплавский перекатывается, ложится, заложив Руки за голову рядом с Отражением Поплавского. Они смотрят в небо. На сцену проливается красный свет заката.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Скажи, а кого ты в наших стихах называл на "Ты" с большой буквы?

П о п л а в с к и й . Не твое собачье дело.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Ну, мне-то можешь сказать.

П о п л а в с к и й . Смотри-ка, закат.

Сцена 6

Свет уменьшается. Закат виден ярче. На экране проявляется изображение лестницы на Монмартр. Звучит баллада "Сон детей" (саунд трек 5).

Баллада «Сон детей»

Розовеет закат над заснеженным миром
Возникает сиреневый голос луны
Над трамваем в рогах электрической лиры
Искра прыгает в воздухе темном зимы.

Высоко над домами, над башнями окон
Пролетает во сне серебеющий снег
И пролив в переулок сиреневый локон
Спит зима и во сне уступает весне.

Расцветает молчанья свинцовая роза –
Сон людей и бессмысленный шепот богов,
Но над каменным сводом ночного мороза
Слышен девичий шепот легчайших шагов.

По небесному своду на розовых пятках
Деловитые ангелы ходят в тиши,
С ними дети играют в полуночи в прятки
Или вешают звезды на елку души.

На хвосте у медведицы звездочка скачет.
Дети сели на зайцев, за нею спешат,

А проснувшись наутро, безудержно плачут,
На игрушки земные смотреть не хотят.

Рождество расцветает над лоном печали.
Праздник, праздник, ты чей? – Я надзвездный, чужой.
Хором свечи в столовой в ответ зазвучали,
Удивленная девочка стала большой.

А когда над окном, над потушенной елкой,
Зазвучал фиолетовый голос луны,
Дети сами открыли окошко светелки,
С подоконника медленно бросились в сны.

Натали и Дина прогуливаются по вечернему Парижу.

Н а т а л и. Ко мне приходил инспектор полиции. О Борьке спрашивал.
Столько лет знакомы, а мне и рассказать-то нечего.

Д и н а. Они считают это убийством?

Н а т а л и. Ерунда. Кому и зачем его убивать. Единственный соперник –
твой муж, его лучший друг. Денег у Поплавского никогда не было. Долги
копеечные и вообще... Кстати, уже болтают, что все материальное было ему
чуждо. Это не верно. Он тяготился бедностью. Но трудиться ради жалования не
хотел. Друзья нашли для него пару семей – преподавать английский. Послал на
три буквы. Потом извинялся... И... плакал... Но работать не стал. *(Пауза.)* Его
редактором в газету брали. Опять не пошел. Говорит, если приспичит творить
до утра, как на службу пойду к девяти?

Д и н а. Прав.

Н а т а л и. Не знаю. Не уверена. Вся жизнь – компромисс.

Д и н а. Эх, Бори нет. Заткнул бы тебя быстро.

Н а т а л и. Нет выхода. Надо искать середину. Плыть между льдинами.
Работа – творчество, любовь – долг, семья – свобода.

Д и н а. Он был свободен. Пользовался свободой, как не умеет никто из нас.

Н а т а л и. Завидуешь? Грешно завидовать мертвому?

Д и н а. Знаешь, а для меня Боря не умер.

Н а т а л и. А я-то думаю: почему ты на похоронах слезинки не проронила?

Д и н а. Его образ жив в памяти: мятые брюки, пиджак на размер больше,
черные очки и губы как у обиженного дитя. Помнишь, как он читал на наших
сборищах? Как ты можешь помнить? Ты же туда... Чтец он был никудышный.
Но голос забыть невозможно. Мне говорят: умер. Что это «умер»? Мы не
увидимся больше? Не поспорим, не сыграем в шахматы, не разругаемся, пошлав
друг друга? Он больше никогда не разрыдается у меня на груди, причитая: «Я
грешен, я ничтожен!»? Больше не напишет ни строчки? А все ли я читала?.. Все
ли выслушала? Все ли поняла? В наших с ним отношениях смерть не изменила
ничего. Почти ничего. *(Пауза.)*

Н а т а л и. Смерть – личное дело каждого. Это не ново.

Д и н а *(задумчиво)*. Смерть... А если бы он уехал... В Америку, в Россию.
Разве для меня это не означало бы то же самое: «его нет»? *(Пауза.)*

Н а т а л и. В Россию. Мы все, живя здесь, возвращаемся в Россию. Каждый
день, каждую минуту, во сне и наяву. Утекаем туда по капле... А может, мы и
не уезжали? Может, Россия не там, а здесь *(указывает себе на грудь.)*

Пауза.

Д и н а. России мы не нужны. Равно как и Парижу, Берлину и Стамбулу.
Наши образование, энергия, талант теперь вроде как...

Н а т а л и (*раздраженно*). Ну, так давайте отравимся или утопимся в Сене.

Д и н а. Вода холодная. Подождем до лета. Вы молодежь. России не знаете, не помните. Не беритесь судить о ней.

Н а т а л и. Но мы русские.

Д и н а (*с циничной улыбкой*). Русские... Боря сказал однажды: «Не Россия, не Франция, а Париж наша родина, с отдаленной проекцией на русскую бесконечность...» (*После короткой паузы.*) А мне все равно, как называться. Люди, слушавшие стихи Поплавского со слезами на глазах, одной национальности со мной... А тратящие жизнь в погоне за деньгами – инородцы.

Н а т а л и. Но ты не голодаешь, Дина.

Д и н а. Да. Грешна. Потому уйду и не оставлю следа. А Борькины стихи будут жить. Как круги на воде от брошенного камня.

Н а т а л и. Короче, Боря жив! Пошли. Поздно уже.

*Звучит баллада «Снежный заяц» (саунд трек 6). Дина и Натали уходят.
На экране проявляется изображение маленькой комнаты. В ней письменный стол, на нем лампа, бумага, карандаш. На бумаге проявляются рукописные строки.*

Баллада «Снежный заяц»

Гаснет пламя елки, тихо в зале.
В темной детской спит герой, умаясь.
А с карниза красными глазами
Неподвижно смотрит снежный заяц.

Снег летит с небес сплошной стеною,
Фонари гуляют в белых шапках.
В поле, с керосиновой луною,
Паровоз бежит на красных лапках.

Горы-волны ходят в океане.
С островов гудят сирены грозно.
И большой корабль, затертый льдами,
Накрываясь лежит под флагом звездным.

Там в каюте граммофон играет.
И друзья танцуют в полумраке.
Путаясь в ногах, собаки лают.
К кораблю летит скелет во фраке.

У него в руке луна и роза,
А в другой письмо, где желтый локон,
Сквозь узоры звездного мороза

Ангелы за ним следят из окон.

Никому, войдя, мешать не станет.
Вежливо рукой танцоров тронет.
А когда ночное солнце встанет,
Лед растает и корабль утонет.

Только звездный флаг на белой льдине
В южном море с палубы узнают.
И фуражки офицеры снимут.
Краткий выстрел в море отпыляет.

Страшный заяц с красными глазами
За двойным стеклом, за слоем ваты,
Хитро смотрит: гаснет елка в зале.
Мертвый лысый мальчик спит в кровати.

Сцена 7

В глубине сцены лучами прожектора освещены два входа в загробный мир. Отражение Поплавского сидит за столом следователя, допрашивает Поплавского.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Фамилия, имя, отчество?!

П о п л а в с к и й. Поплавский Борис Юлианович.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Дата и место рождения?

П о п л а в с к и й. К чему этот вздор?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*бьет ладонью по столу*). Не смей отвечать мне вопросом на вопрос! (*Тише.*) Впрочем, изволь... Видишь (*указывает на входы в загробный мир.*) Раз – два... Два входа... Туда. После смерти нужно определить, в какой... Так-то, любезный мой.

П о п л а в с к и й. Причем здесь ты? Пусть судит кто-то другой.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Э, нет! Кто же осудит тебя лучше, чем ты сам?! То, что думают и говорят о нас, на самом деле, не имеет к нам никакого, никакущего отношения. Только мы знаем истинную цену себе.

П о п л а в с к и й. Мы тоже не знаем, но судим.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Праведный суд.

П о п л а в с к и й (*указывает на светящиеся входы*). Что там?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Угадай.

П о п л а в с к и й (*подходит к освещенному входу, протягивает руку*).

Прохлада. Рай? (*Подходит ко второму входу, протягивает руку.*) Здесь жарко. Ад... Угадал?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Открою тебе секрет. Ад и рай существуют при жизни, там, в узкой полосе от рождения до смерти. Посуди сам, старость, малярия, болезни, беспомощность, разве может быть наказание страшнее?! Возможность избежать наказания, это ли не рай? (*Пауза.*) А здесь – ничего. Ни-че-го... Пустота. Абсолютная пу-сто-та...

П о п л а в с к и й. Как это может быть?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Ты прав. Этого не может быть. Этого нет. Ничего нет. Ни времени, ни пространства, ни боли, ни страданий. Абсолютное отсутствие какого-либо присутствия. Не понял? Это правильно. Как можно понять то, чего нет?! Такая же пустота, как до рождения. Ну?

П о п л а в с к и й . Зачем же тогда этот идиотский допрос?

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Пустая формальность, традиция, анахронизм... Но это последнее, что для тебя... для нас имеет какой-то смысл.

П о п л а в с к и й . Хорошо.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Итак, время и место рождения.

П о п л а в с к и й . 24 мая 1903 года, Москва.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Родители?

П о п л а в с к и й . Отец, музыкант, пианист, ученик Чайковского. Мать, прибалтийская дворянка, скрипачка. Она...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Ну, что же мы замолчали? *(Кричит.)* Я из тебя клещами тянуть должен?!

П о п л а в с к и й . Не ори. Я тебя не боюсь.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Зря. Я тебе единственный судья и палач. Говори!

П о п л а в с к и й . Мать довлела над нами. Это было невыносимо. Невыносимо. Наташа *(указывает на Отражение Поплавского)*, наша сестра, бежала из дому. Из-за нее... Скиталась. Писала стихи. Стала морфинисткой. Умерла в Манчжурии не то от наркотиков, не то от воспаления легких.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Избежала наказания. Но мы судим тебя. Те-бя! Никого другого. Дальше!

П о п л а в с к и й . Отец... Папа любил и жалел меня. Читал мне Достоевского, когда я лежал с ангиной. В Париже работал тапером в кинотеатре. Давал мне семь франков ежедневно.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Десять. *(Укоризненно.)* Десять.

П о п л а в с к и й . Десять. Три я отдавал за квартиру.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Зря. Зря! Я бы не дал тебе ни гроша.

П о п л а в с к и й . Знаю.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Он кормил тебя, бездельника. А ты...

П о п л а в с к и й . А я решил: на службу не пойду. Буду нуждаться, но писать.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . В нужде ты преуспел... Но кто дал тебе право агитировать людей? *(Цитирует.)* «Не сдавайтесь перед фабрикой или канцелярией. Боритесь, идите странствовать. Ночуйте под мостами. Питайтесь подающими». Твои караули?

П о п л а в с к и й . Отец... за всю жизнь... не прочел ни одного моего стихотворения.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Ой, вот только этого не надо! Твою белиберду читали на литературных собраниях, учили наизусть, печатали в журналах. Пройдут годы, и за хранение твоего архива люди пойдут в тюрьму и на каторгу.

П о п л а в с к и й . Мне очень жаль.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о . Я говорил тебе: иди работать.

П о п л а в с к и й . Я работал. Делал, что умел. И если за написанные мною маленькие букочки, могут посадить, значит...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Это еще ничего не значит. Мало ли кого (*указывает в зал*) там сажают... У нас здесь единственный праведный суд. Дальше! Отвечать на мои вопросы! Образование?

П о п л а в с к и й. В гимназии учился плохо... Рукоплескал Февральской революции. Рано понял, чем грозит Октябрьская. Потом Стамбул... Там - русская жизнь, культура. Ходил в литературный клуб. Что-то писал... Оттуда в Париж. (*Пауза.*) Париж, Париж. Париж. Ноев ковчег русской литературы. Собрания, чтения, диспуты. Споры до утра. О чем?..

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. О чем?

П о п л а в с к и й. О том, «что» мы здесь...

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. То есть, не о чем.

П о п л а в с к и й (*после короткой паузы*). Да. Ругались, грызлись, из-за чего? Опубликоваться в журнале с тиражом в сто экземпляров? Вступить в содружество поэтов, основанное неизвестно кем, неизвестно зачем? Знаешь, мои друзья... Мои соратники... Мы пили, кутили, вместе играли на бильярде, рука об руку голодные слонялись по улицам. Они... Они. Представляешь, они! Меня! В содружество не приняли!

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Обиделся?

П о п л а в с к и й. Да. Обидно.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. А если подумать.

П о п л а в с к и й. Ты прав.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Мерси!

П о п л а в с к и й. Мышиная возня.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*официальным тоном*). Что еще имеете сообщить?

П о п л а в с к и й. Что еще?.. Что еще?.. Нюхал кокаин.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Волочился за дамами.

П о п л а в с к и й. Нет. Просто нырял к ним в постель.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о (*возмущенно*). Чего они в тебе находили?

П о п л а в с к и й. Видимо, было что-то. Теперь все в прошлом.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Дальше!

П о п л а в с к и й. Писал картины. Ходил в академию художеств. Папа верил в мою карьеру художника. Как мог, зарабатывал на портретах. За стихи мне никто не платил.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. И правильно. Стихи это не пиво и не круассан с джемом. Кто ж за них заплатит?

П о п л а в с к и й. Однажды издатель расплатился со мною костюмом, неновым, представляешь. Я принес домой. Надел. А он велик. Носить смешно и продать жалко.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Мы отвлеклись. Осталось немного. Считаешь ли себя виновным?

П о п л а в с к и й. Да.

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. «Да» отвечает невеста под венцом!

П о п л а в с к и й. Я виновен, виновен, виновен! В том, что время потратил зря. В том, что медлил и не решался... В том, что дар свой растратил в вечеринках и притонах. А теперь... Что теперь?..

О т р а ж е н и е П о п л а в с к о г о. Здесь спрашиваю я! (*После короткой паузы.*) Нам обоим известно, что ты порядочная дрянь! Меланхолик,

бездельник и наркоман. Еще и похотливая свинья. Потому и молился часами каждый день?

Поплавский. Для моления... причины не требуется.

Отражение Поплавского. Ладно. Что имеешь сказать в свое оправдание?

Поплавский. Зачем и кому это нужно?

Отражение Поплавского. Формальность. Пустая формальность. Не соблюдать ее невежливо.

Поплавский. По отношению к кому?

Отражение Поплавского. О, мой друг. Ты уже умер, но так и не усвоил: вежливость нужна тебе самому. Никому больше.

Поплавский. Моя заслуга в том, что не завел семью. Не сломал жизнь Дине Шрайбман и Наташе Столярской.

Отражение Поплавского. Их жизни сломают обстоятельства. Ты не причем. Дина умрет от туберкулеза. Наташа вернется в Россию к отцу. Ее обвинят в шпионаже и организации диверсии. Пятнадцать лет лагерей ничто по сравнению с ежедневным, ежечасным, ежеминутным ощущением несправедливости... Несправедливости слепой, чудовищной, глупой, и никому неинтересной. *(Пауза.)* Вы все, и я вместе с вами подумывали... нет вынашивали планы возвращения на родину...

Поплавский. Моя родина – Париж.

Отражение Поплавского. Я тебя умоляю!

Поплавский. Да-да. Не Стамбул и не Берлин. Именно Париж. Па-риж. *(Выходит на авансцену.)* Бульвар Капуцинов и Сен Жермен... А помнишь, деревянный мост через Сену? С него хороший вид на Нотрдам. Даже в холодную погоду там сидят вдоль ограды, свесив ноги над мутной рекой. Я писал там...

Отражение Поплавского. Мы писали.

Поплавский. Пейзажи... Кому это нужно теперь?

Отражение Поплавского. Друзья продадут твою мазню. Все до последнего рисунка. На вырученные деньги издадут твой роман... *(Пожимает плечами.)* Странная манипуляция.

Поплавский. И что?

Отражение Поплавского. Ничего. Твоя хренатень пролежит семьдесят пять лет.

Поплавский. Одно мгновение для нас с тобой, не так ли?

Отражение Поплавского. Но будет издана целиком.

Поплавский. Годится.

Отражение Поплавского. Еще не все. Не мною, тобой заинтересуются... не НКВД, нет. Люди, для которых... Ну, в общем... ты понял... Твои стихи положат на музыку. Она наполнит строки, разбудит их и заставит звучать. Люди услышат. Проживут твою боль, твою любовь, утешатся твоими надеждами. Но ты, мы... не услышим. *(Пауза.)* Теперь *(указывает на входы в ад и рай)* выбор за тобой. Смотри не ошибись как в жизни.

Поплавский. Я... не ошибся... Я... остаюсь.

Отражение Поплавского. Ну, тогда слушай.

Звучит баллада «Белый пароходик» (саунд трек 7).

Баллада «Белый пароходик»

Мальчик смотрит белый пароходик
Уплывает вдоль по горизонту,
Несмотря на ясную погоду,
Раскрывая дыма черный зонтик.

Мальчик думает: а я остался,
Снова не увижу дальних стран.
Почему меня не догадался
Взять с собою в море капитан?

Мальчик плачет. Солнце смотрит с высей,
И прекрасно видимо ему:
На кораблик голубые крысы
Принесли из Африки чуму.

Умерли матросы в белом морге,
Пар уснул в коробочке стальной,
И столкнулся пароходик в море
С ледяною синею стеной.

А на башне размышляет ангел,
Неподвижно бел в плетеном кресле,
Знает он, что капитан из Англии
Не вернется никогда к невесте.

Что навек покинув наше лето,
Корабли ушли в миры заката,
Где грустят на севере атлеты,
Моряки в фуфайках полосатых.

Юнга тянет, улыбаясь, жребий,
Тот же самый, что и твой, мой друг.
Капитан, где Геспериды? – В небе.
Снова север, далее – на юг.

Музыка поет в курзале белом.
Со звездой на шляпе в ресторан
Ты вошла, мой друг, грустить без дела
О последней из далеких стран,

Где уснул погибший пароходик
И куда цветы несет река.
И моя душа, смеясь, уходит
По песку в костюме моряка.

Поплавский и Отражение Поплавского подходят каждый к светящемуся входу. Движениями рук уменьшают и стирают свечение – закрывают вход. На месте входов появляются фотографии Поплавского, Дины Шрайбман, перемежающиеся с письмами и черновиками, а также видами Парижа 1934-40 гг. Последним остается на экране портрет Бориса Поплавского.

Гаснет свет.

В пьесе звучат баллады Бориса Поплавского на музыку Давида Тухманова (изданы на диске «Танго снов Бориса Поплавского»):

«Память»
«Морелла 1»
«Рукопись, найденная в бутылке»
«Морелла 2»
«Сон детей»
«Снежный заяц»
«Белый пароходик»

Разрешение комп. Давида Тухманова на использование его произведений в спектакле получено.

Диск с аудио записью прилагается.

**Copyrights (Text) 2010 Leon Agulansky
Copyrights (Music) 2010 David Tuhmanov
Author of Idea David Tuchmanov**

Сведения об авторах

Леон (Леонид Ильич) **Агулянский** родился в 1959 году в г. Ленинграде в семье служащих. В 1982 году окончил 1 Ленинградский медицинский институт им. Павлова в Ленинграде. С 1982 года после окончания ординатуры по урологии работал урологом в клиниках 1 ЛМИ.

С 1988 года проживает в Израиле.

Работает в собственной клинике в г. Холон (Израиль).

Член союза писателей России и Израиля, член Международной федерации русскоязычных писателей.

Лауреат премии им. А.П.Чехова (за цикл повестей и рассказов).

Автор романов «**Нерусская рулетка**», «**Резервист**», книг: «**Визит в Зазеркалье**», «**Параллельные кривые**», «**Решает мгновение**».

Автор пьес: "**Деревянный театр**" (идет в Израиле в исп. театра "Матара"),

<http://www.youtube.com/watch?v=mKY3wb6eXT8>

«**Гнездо воробья**» (идет в Израиле на иврите в исп. Театра «Матара»), «**На что жалуемся?**» (премьера спектакля по этой пьесе под названием «**Што баліць?**» состоялась 27.02.11 в Театре белорусской драматургии в г. Минске и 15.03.13 в Академическом драмтеатре им. Я.Коласа в г. Витебске), «**Дирижер**», «**Любовь. Собака. Точка. Ру**».

Тухманов Давид Федорович (перечисление произведений и заслуг займет больше страниц, чем сама пьеса).

E-mail:

tuxmanov@gmail.com